

Волинь и ея историческіе дѣятели отъ Владиміра святого до Богдана Хмельницкаго

VI.

Для Польско-Литовскаго государства организованная и вооруженная Дашковичемъ Сѣчь Запорожская имѣла значеніе пограничной стражи, охранявшей его границы отъ вторженія татаръ.

Въ 1511 году послѣ вновь повторившихся опустошительныхъ набѣговъ на Волинь и Подолію крымской орды и вторженія въ предѣлы Польско-Литовскаго государства огромныхъ полчищъ турокъ и валаховъ, былъ созванъ польскимъ правительствомъ сеймъ въ Піотроковѣ, въ которомъ принялъ участіе и Дашковичъ. Онъ доказывалъ, что для надежной охраны границъ государства отъ татарскихъ набѣговъ достаточно имѣть не болѣе 200 воиновъ, которые могли бы разъѣзжать на небольшихъ судахъ между днѣпровскими островами и порогами, препятствуя переправѣ татаръ на правый берегъ рѣки и что такихъ воиновъ могутъ съ успѣхомъ замѣнить запорожцы, но для прикрытія ихъ необходимо укрѣпить острова, а для сообщенія съ государствомъ и снабженія жизненными припасами назначить 500 всадниковъ.

На сеймѣ было постановлено содержать на низовьяхъ Днѣпра 4000 человекъ коннаго войска и на организацию и содержаніе его собрать въ первый годъ по 18, а въ слѣдующій по 12 грошей съ десятины. Войско это должно было охранять соприкасавшія съ татарскими улусами границы Подоліи*).

*) Исторія Малороссіи П. Маркевича, т. I, стр. 32—33.

Такимъ образомъ, постановленіемъ Піотроковскаго сейма было положено начало существованія „Запорожскихъ казаковъ“, организаторомъ и первымъ атаманомъ которыхъ былъ волынецъ Остапъ (Евстафій) Дашковичъ. По тому же постановленію Піотроковскаго сейма казаки запорожскіе были подчинены малороссійскому гетману, съ сохраненіемъ права избранія изъ своей среды „кошевого атамана“ и прочей „старшины“, по обычаямъ, установившимся въ Сѣчи съ давнихъ временъ.

Въ слѣдующемъ году татары опять вторглись въ предѣлы Польско-Литовскаго государства и произвели страшное опустошеніе въ его южно-русскихъ областяхъ.

Подъ Вишневецемъ, на Волыни, полчища татаръ были настигнуты малороссійскимъ гетманомъ Лянцкоронскимъ и княземъ Константиномъ Острожскимъ. Татары понесли жестокое пораженіе: ихъ погибло здѣсь 24000.

Вскорѣ послѣ этого Лянцкоронскій сложилъ съ себя званіе гетмана. На его мѣсто былъ избранъ славный потомокъ Корибутовъ, волынской староста, князь Дмитрій Вишневецкій. Отличаясь гражданскими доблестями, новый гетманъ направилъ всю свою дѣятельность на восстановленіе разоренныхъ татарскими набѣгами городовъ, улучшилъ сельское хозяйство, способствовалъ развитію торговли, ввелъ правосудіе въ городахъ и земскихъ урядахъ и поднялъ общее благосостояніе края. Народъ называлъ его „батькомъ“, т. е. отцомъ своимъ.

Однако, гетманство Дмитрія Вишневецкаго продолжалось недолго. Въ 1514 году его смѣнилъ Евстафій Рожинскій. Пользуясь временнымъ затишьемъ, новый гетманъ занялся устройствомъ своихъ войскъ. Обладая обширными знаніями въ области военныхъ наукъ и получивъ широкія полномочія отъ короля Сигизмунда, онъ совершенно преобразовалъ прежнюю организацію казаковъ. Составъ ихъ онъ увеличилъ до 40000, раздѣливъ на 20 полковъ, по 2000 человекъ въ каждомъ. Полки назвалъ по городамъ и раздѣлилъ ихъ на сотни, которыя въ свою очередь назвалъ по городамъ и мѣстечкамъ. Во главѣ полка поставилъ полковника, во главѣ сотни—сотника. Тотъ и другой избирались войсковымъ „товариствомъ“ и оставались въ своихъ чинахъ на всю жизнь.

До Рожинскаго казаки, какъ войсковое сословіе дѣлились на околицы и курени. Околицу составляло одно извѣстное семеніе, и при-

надлежавшіе къ нему казаки носили названіе „околичной шляхты“. Изъ нѣсколькихъ околицъ составлялся курень. Околицы и курени управлялись избранными изъ среды казаковъ „товарищами“ и „атаманамы“, которые въ служебномъ отношеніи подчинялись повѣтовому хорунжему. Этотъ послѣдній велъ списки казакамъ и опись вооруженію; при немъ же находилось, подъ охраною надежнаго караула изъ старшихъ казаковъ, повѣтовое знамя, или хоругвь.

По новой организаціи полки комплектовались казаками, выбранными изъ куреней и шляхетскихъ околицъ. Казаки эти записывались въ „военный регистръ“, отчего и получили названіе „регистровыхъ“. Одна половина ихъ была конная и содержалась въ полѣ, другая—пѣшная составляла городскіе гарнизоны. Въ случаѣ надобности, пѣшіе казаки комплектовали конныхъ. У тѣхъ и другихъ одежда была одинакова и заготовлялась въ мирное время „изъ собственнаго кошта“, по установленнымъ образцамъ. Продовольствіе было тоже своекоштное, во время же похода каждому казаку полагалось на счетъ малороссійскаго „скарба“: жалованья по червонцу въ годъ, по кафтану „тузинковому“ на два года и, въ случаѣ нужды,—по кожуху. Старшимъ казакамъ полагалось вдвое противъ младшихъ. Полковники и старшины: генеральные, обозные и полковые получали ранговыя деревни. Артиллерія, обозъ и вьюки съ продовольственными запасами, провіантомъ и фуражемъ снаряжались отъ „скарба“ и „посполства“, то есть крестьянскаго сословія. Конный казакъ былъ вооруженъ штуцеромъ, пистолетомъ, саблей и копьемъ; пѣшій—ружьемъ, копьемъ и кинжаломъ. Все это вооруженіе выписывалось изъ Турціи или Швеціи.

Военныя построенія были оставлены гетманомъ Рожинскимъ тѣ же, какія существовали у казаковъ и раньше, а именно: маршъ колонною назывался „итти соганою“; въ случаѣ непріятельской атаки, вмѣсто каре, строился треугольникъ; строиться во фронтъ называлось „становиться въ лаву“, а строй въ три шаренги—„батова“.

Кромѣ регулярныхъ, было учреждено пять полковъ „охочекомонныхъ“, комплектовавшихся изъ охотниковъ. Полки эти назывались именами своихъ полковниковъ, которыхъ назначалъ гетманъ. Охочекомонные казаки носили общее названіе „гультаевъ“. Они были предоставлены собственному иждивенію и несли службу по охранѣ границъ государства по рѣкамъ Самарѣ, Южному Бугу и Днѣстру.

Такое устройство малороссійскаго войска, всецѣло принадлежавшее гетману Рожинскому, было утверждено универсаломъ короля Сигизмунда I.

Боевое крещеніе новоустроенные казаки получили въ 1516 году.

Были получены свѣдѣнія, что въ приграничныхъ областяхъ показались огромныя полчища крымскихъ татаръ, подъ предводительствомъ самого хана.

Гетманъ Рожинскій выступилъ имъ на встрѣчу и у Бѣлгорода, подъ Донцемъ и позволилъ атаковать себя. Орда татарская окружила его съ трехъ сторонъ и, пустивъ тучи стрѣлъ, съ неистовымъ гикомъ понеслась въ атаку. Войска гетманскія были примкнуты къ рѣкѣ; въ тылу ихъ находился обозъ. Конница спѣшилась и выстроилась въ боевой порядокъ. Бѣшенный натискъ сплошной массы татаръ былъ встрѣченъ мѣткимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Беспорядочная толпа атакующихъ понесла страшный уронъ и начала отступать. Казаки хотѣли перейти сами въ наступленіе, но гетманъ удержалъ ихъ на мѣстѣ, желая этимъ подать видъ непріятелю, что, по малочисленности своего войска, не можетъ наступать, а можетъ только обороняться.

Татары съ новой яростью возобновляли свои атаки въ теченіе цѣлаго дня, но, получая каждый разъ сильный отпоръ, къ вечеру удалились въ открытую степь и расположились обширнымъ станомъ на ночлеги.

Въ полночь гетманъ выступилъ по ихъ слѣдамъ и на разсвѣтѣ, когда лошади у татаръ бывають не у коновязей, а пасутся на подножномъ корму, заарканенныя на рукахъ всадниковъ, выслалъ конный отрядъ съ шести зарядными ракетами, перепрыгивающими съ мѣста на мѣсто и называвшимся у казаковъ „шутихами“. Наскочивъ на станъ татаръ, казаки пустили ракеты межъ коней. Испуганныя животныя понеслись по степи, волоча за собою и топча своихъ всадниковъ. Въ таборѣ татарскомъ произошло страшное смятеніе, и въ эту минуту подоспѣли всѣ гетманскія войска съ артиллеріей, прошли черезъ весь непріятельскій станъ и, поразивъ на голову обезумѣвшую орду, захватили весь ея обозъ.

Съ огромной добычей возвратился гетманъ изъ этого своего перваго похода. Пораженіемъ въ открытой степи многочисленной татарской орды войска гетманскія доказали свою храбрость и способность въ военномъ дѣлѣ, и съ тѣхъ поръ многіе изъ поляковъ стали запи-

сываться въ ряды малороссійскихъ полковъ, съ гордостью называя себя казаками.

Около того же времени, предшественникъ Рожинскаго и Дмитрія Вишневецкаго, Предславъ Лянцкоронскій вновь появился на военномъ поприщѣ. Собравъ вокругъ себя отборную дружину казаковъ и пригласивъ кошевого Дашковича съ 1200 запорожцевъ, онъ, чтобы отплатить врагамъ христіанства за ихъ недавніе набѣги на мирныхъ жителей Подоліи и Волыни, вступилъ въ предѣлы Турціи, дошелъ до Бѣлграда,¹⁾ уничтожилъ нѣсколько татарскихъ отрядовъ и на обратномъ пути угналъ въ Свчъ 500 лошадей и 3000 головъ рогатаго скота.

Этимъ походомъ не закончилась дѣятельность бывшаго гетмана. Вмеѣстѣ съ Дашковичемъ они долго еще предпринимали отважные походы на земли турокъ и татаръ, результатомъ чего было возвращеніе Польско-Литовскому государству земель надъ Днѣстромъ и при устьи Днѣпра, захваченныхъ Менгли-Гиреемъ.

Однако, черезъ три года послѣ этого счастье перешло на сторону крымскихъ татаръ. Сынъ Менгли-Гирея, Богатырь вторгшись въ предѣлы Польско-Литовскаго государства, разбилъ князя Острожскаго подъ Сокалемъ на Бугѣ, дошелъ, почти, до Кракова, опустошилъ лежавшія на пути южно-русскія области, въ томъ числѣ Волынь и угналъ въ рабство 60000 мирныхъ жителей.

Въ 1522 году тотъ же крымскій ханъ напалъ на Запорожье и захватилъ въ плѣнъ Дашковича. Запорожцы уже считали погибшимъ своего кошевого, но когда ногайцы убили хана, и въ ордѣ произошли смуты, Дашковичъ неожиданно появился въ Черкасахъ.

Неизвѣстно, какимъ образомъ ему удалось бѣжать изъ плѣна, но онъ тотчасъ же собралъ своихъ рыцарей-запорожцевъ, двинулся на Очаковъ, сжегъ тамошнія укрѣпленія и, соединясь съ ногайцами, произвелъ ужаснѣйшія опустошенія на полуостровѣ.

Жестокая расправа запорожцевъ съ крымскими татарами все-таки не отучила ихъ отъ набѣговъ на южно-русскія области, и въ 1526 году

¹⁾ Теперь уѣздный городъ Аккерманъ, Бессарабской губерніи.

они, подъ предводительствомъ хана, снова появились въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства.

Дашковичъ, со своими запорожцами, князь Острожскій и Кіевскій воевода Андрей Немировичъ встрѣтили орду вблизи Кіева, разбили ее, заставили 7000 татаръ положить оружіе и освободили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ христіанъ. Остатки бѣжавшей орды были окончательно разбиты запорожцами при Каневѣ и Черкасахъ, послѣ чего Дашковичъ явился по вызову въ Краковъ, къ королю и былъ принятъ имъ съ большими почестями.

Послѣ смерти Евстафія Рожинскаго въ 1534 году малороссійскимъ гетманомъ былъ избранъ Вѣнцеславъ (въ простонародіи Венжикъ) Хмельницкій.

Въ томъ же году несмѣтныя полчища крымскихъ татаръ, пройдя черезъ Бессарабскія степи, снова вторглись на Волынь и стали пробираться къ Польшѣ.

Новый гетманъ, получивъ повелѣніе короля Сигизмунда отразить непріятеля, выступилъ на встрѣчу ордѣ съ реэстровымъ войскомъ, а въ Волынь, для прикрытія границъ съ той стороны, откуда шли татары, послалъ запорожцевъ и полки охочекомонныхъ казаковъ. Раздѣливъ тѣхъ и другихъ на мелкія партіи, онъ приказалъ имъ безпрестанно нападать на татаръ во время ихъ походныхъ движеній и ночлеговъ и при отступленіяхъ подаваться въ сторону расположенія главныхъ силъ малороссійскаго реэстроваго войска.

Этотъ родъ партизанской войны обманулъ татаръ. Увлечшись преслѣдованіемъ незначительныхъ казачьихъ отрядовъ, они подошли къ Заславлю, гдѣ находился укрѣпленный вагенбургомъ лагерь гетмана.

Оставивъ для охраны обоза достаточное число пѣхоты съ тяжелой артиллеріей, гетманъ съ главными войсками укрылся за рощи, и какъ только татары, по своему обычаю, окружили лагерь и съ дикимъ крикомъ начали всею массою напирать на казачій обозъ, гетманъ выступилъ изъ своей засады и, давъ залпъ по ордѣ изъ ружей и пушекъ, ударилъ ей въ тылъ и оба крыла. Ошеломленные залпомъ,

окруженные съ трехъ сторонъ казаками, сбитые ихъ неотразимымъ ударомъ въ копья и сабли, татары смѣшались и беспорядочными толпами стали отступать. Тогда гетманъ, выславъ въ погоню за ними особый легкой отрядъ, двинулся съ артиллеріей на главный станъ непріятеля. Пораженіе орды было полное. Весь ея выючный обозъ съ продовольственными запасами достался побѣдителямъ.

На обратномъ пути гетмана къ Заславлю народъ встрѣчалъ его, какъ своего избавителя, а король прислалъ ему похвальный листъ съ выраженіемъ благодарности за его доблесть и заслуги передъ государствомъ.

VII.

Въ 1548 году умеръ король Сигизмундъ I. На Польскій престолъ былъ избранъ послѣдній изъ Ягеллоновъ—Сигизмундъ II-Августъ, приверженецъ и угодникъ католической партіи. При немъ, въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія, сначала въ Польшу, а потомъ въ Литву проникли іезуиты. Въ цѣляхъ борьбы съ распространившимися тогда въ предѣлахъ Польско-Литовскаго государства реформатскимъ ученіемъ, они основали свои школы и совратили въ католицизмъ многихъ представителей знатныхъ родовъ, каковы: Радзивилы, Ходкевичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Войны, Воловичи, Тышкевичи, Дорогостайскіе, Калиновскіе, Пузыны, Горскіе и другіе литовско-русскіе вельможи. Тогда же зародилось начало будущей церковной уніи, повлекшей за собою столько кровавыхъ событій и, въ концѣ концовъ, погубившей Польшу.

Но объ этомъ рѣчь впереди.

За нѣсколько лѣтъ до кончины Сигизмунда I развившееся въ его царствованіе Запорожье потеряло своего вождя и организатора: первый кошевой атаманъ „славнаго низоваго войска Запорожскаго“, волынецъ Остапъ Дашковичъ умеръ въ концѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія. Непосредственно за Дашковичемъ въ Запорожской Сѣчи, въ 1553 году, появился престарѣлый землякъ его, бывшій малороссійскій гетманъ, князь Дмитрій Вишневецкій. Будучи избранъ кошевымъ, онъ укрѣпилъ обширный островъ на Днѣпрѣ, Хортицу и, утвердившись

здѣсь сталъ производить набѣги на крымскихъ татаръ. Налетая, какъ вихрь, на ихъ земли, внезапно появляясь на легкихъ чайкахъ у Крымскаго побережья Чернаго моря, запорожцы громили татарскіе города и улусы, захватывали добычу, освобождали плѣнныхъ христіанъ и неуловимо возвращались въ свой новоустроенный кошъ. Устрашенный ихъ грозной силой, крымскій ханъ обратился за помощью къ султану, который прислалъ на подмогу ордѣ турокъ и волоховъ.

Хотя Хортицкая крѣпость и представляла сильный оплотъ противъ непріятеля, но, вслѣдствіе истощенія запасовъ, Вишневецкій долженъ былъ въ 1556 году выйти оттуда. Занявъ, затѣмъ, старые казачьи города Каневъ и Черкасы, онъ обратился къ московскому царю съ просьбой принять его на свою службу. Неизвѣстно, что собственно побуждало Вишневецкаго измѣнить королю, но онъ писалъ Іоанну Грозному, что можетъ покорить ему всѣ южныя области по Днѣпру. Однако, царь, призвавъ Вишневецкаго въ Москву, одарилъ его Бѣлевымъ и другими богатыми волостями, Каневъ же и Черкасы отдалъ королю обратно.

Въ 1558 году Вишневецкій, находясь уже на царской службѣ, во главѣ пятитысячнаго отряда и жильцовъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ, получилъ приказаніе соединиться съ черкесскими князьями и пойти на Крымъ.

Походъ этотъ кончился ничѣмъ, такъ какъ ханъ Девлетъ Гирей уклонился отъ сраженія.

Въ слѣдующемъ году князь, съ 5000 московскихъ войскъ, ходилъ противъ крымцевъ на Донъ и осаждалъ Азовъ, а затѣмъ былъ назначенъ воеводой на Кавказъ къ пятигорскимъ черкесамъ, но вскорѣ послѣ этого оставилъ службу у царя и въ 1560 году вернулся опять на свое любимое Запорожье.

Спустя четыре года, молдавскіе бояре призвали его быть господаремъ вмѣсто свергнутаго, якобы, Стефана IX. Старческіе годы не умалили въ князѣ честолюбія, и онъ не подозрѣвая обмана, отправился съ небольшимъ отрядомъ Запорожцевъ въ Молдавію. Схваченный Стефаномъ и закованный въ цѣпи, онъ былъ отправленъ изъ Молдавіи въ Константинополь.

Султанъ, будучи озлобленъ на храбраго предводителя Запорожцевъ за его набѣги на татарскія земли, приказалъ казнить его, повѣ-

сивъ за ребро на желѣзномъ крюкѣ. Несчастнѣйшій князь висѣлъ трое сутокъ, „славя Христа и проклиная Магомета“. Одинъ изъ турокъ, услыша эти проклятія, пришелъ въ ярость и пустилъ въ него стрѣлу, чѣмъ и прикончилъ страдальца.

Преданіе говоритъ, что передъ казнью султанъ предлагалъ ему отречься отъ православія и принять магометанство, за что обѣщалъ выдать за него свою дочь и съ нею отдать ему во владѣніе все царство Турецкое, но князь не прельстился этимъ, не измѣнилъ родинѣ и вѣрѣ своей православной и принялъ мученическую смерть. Турки разрѣзали ему грудь и, чтобы пріобрѣсти мужество знаменитаго гетмана, вынули его сердце, подѣлились и съѣли.

Среди Запорожцевъ князь Дмитрій Вишневецкій извѣстенъ былъ подъ именемъ Байды, что означаетъ—гуляка, безшабашная голова. Онъ является героемъ одной изъ малороссійскихъ пѣсень.

„Ой пье Байда медь-горилочку,
„Та не день, не ничку, та не годыночку . . .“

и т. д.

VIII.

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ вступленія на Польско-Литовскій престолъ безвольнаго, угодливаго шляхтѣ Сигизмунда II, состоялся одинъ изъ важнѣйшихъ историческихъ актовъ, имѣвшій столь громадное значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ Малороссіи вообще, въ судьбѣ же Волыни въ особенности.

Этимъ громаднаго значенія актомъ является такъ называемая Люблинская унія 1569 года, по которой Литва и Польша была окончательно соединены въ одно нераздѣльное государство. Сеймъ по поводу этой уніи состоялся 10 января; на немъ участвовали представители обоихъ государствъ, но литовско-русскіе депутаты засѣдали отдѣльно отъ поляковъ. Первые настаивали, чтобы въ Литвѣ былъ свой особый князь, соободно избираемый какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ. Коронованіе князя княжескимъ вѣнцомъ должно происходить въ Вильнѣ. Сеймы, кромѣ чрезвычайныхъ, должны быть въ Литвѣ особые; равнымъ образомъ Литва должна имѣть особую монету, особое управленіе и особые законы. Съ Литовскимъ княжествомъ должна быть соединена Малороссія, а также всѣ остальныя входящія въ составъ

ея области, и между соединеннымъ Литовско-Русскимъ государствомъ и Польшей должна быть проведена точно опредѣленная граница. Поляки требовали безусловнаго слитія Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ въ одно нераздѣльное государство и одинъ народъ. Единство это должно было заключаться въ общемъ для всей страны избраніи государя, въ общей монетѣ, въ общемъ управленіи и установленіи одного общаго для всѣхъ областей закона.

Объ стороны не пришли ни къ какому соглашенію, и въ концѣ февраля литовско-русскіе депутаты разъѣхались изъ Люблина. Тогда Сигизмундъ, по настоянію польскихъ пановъ, рѣшилъ выдѣлить изъ княжества Литовскаго Волынь, Подляшье и Кіевскую область и присоединить ихъ къ Польшѣ.

Узнавъ объ этомъ, литовско-русскіе депутаты 5 апрѣля вновь пріѣхали въ Люблинъ и просили не отторгать русскихъ областей отъ Литвы, но король и паны были непреклонны, и 5 іюня 1569 года королемъ былъ подписанъ слѣдующій универсалъ:

„Землю Русскую и княженіе Кіевское и всѣхъ оныя жителей, вообще и каждаго особливо, отъ послушанія, владѣнія, должностей и повелѣній Великаго княжества Литовскаго на вѣчное время изъземлемъ, освобождаемъ и къ Польскому королевству, какъ равныхъ къ равнымъ и свободныхъ къ свободнымъ, къ первому и собственному тѣлу, и со всѣми вообще и съ каждымъ особливо и съ ея городами, мѣстечками, селами, повѣтами и всѣми ихъ, каковы бы ни были, имѣніями, оную землю и княженіе Кіевское присоединяемъ, обѣщая равно какъ Римскаго, такъ и Русскаго исповѣданія людямъ производить сенаторскія и прочія всѣ достоинства“. *)

На возобновившемся 27 того же іюня засѣданіи Люблинскаго сейма литовско-русскіе депутаты сдались, и унія на предложенныхъ поляками основаніяхъ была утверждена. Перваго іюля состоялась торжественная присяга съ обѣихъ сторонъ въ полномъ соединеніи Литвы и Польши.

Волынь, какъ и другія области, входившія въ составъ Литовско-Русскаго государства, въ томъ числѣ вся Кіевская земля, восточная часть Подоліи и Подляхія, окончательно потеряли свою самостоятель-

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 49.

ность. Въ силу уніи 1569 года, области эти были лишены всякихъ автономныхъ правъ и подчинены одному общему порядку управленія Польско-Литовскимъ государствомъ, основныя начала котораго заключались въ неограниченныхъ политическихъ правахъ дворянскаго сословія и въ безправіи и порабощеніи этимъ сословіемъ крестьянской массы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, постановленіемъ Люблинскаго сейма 1569 года была ограничена власть короля: рѣшенія свои онъ могъ издавать не иначе, какъ „за радюю пановъ радовъ своихъ“, равнымъ образомъ и сенатъ долженъ былъ рѣшать дѣла „до воли королевской“. Такимъ образомъ король какъ бы дополнялъ сенатъ а сенатъ—короля, и рѣшенія ихъ были связаны взаимной зависимостью другъ отъ друга.

IX.

Въ томъ же 1569 году умеръ малороссійскій гетманъ Вѣщеславъ Хмельницкій, и на его мѣсто былъ назначенъ князь Михаилъ Вишневецкій. Кошевымъ атаманомъ Запорожскихъ казаковъ былъ тогда Иванъ Свирговскій. Въ 1571 году онъ былъ избранъ въ генеральныя обозныя малороссійскихъ войскъ, а черезъ три года, съ уходомъ князя Михаила Вишневецкаго, который былъ командированъ королемъ за границу, въ качествѣ посла, — назначенъ гетманомъ. Въ Запорожьѣ его смѣнилъ Оесько Покотыло.

Гетманство Свирговскаго было недолговременно: участвуя въ 1575—1576 гг. въ войнѣ Молдавскаго господара Ивона противъ валаховъ и туроць, онъ послѣ нѣсколькихъ удачныхъ битвъ, попалъ въ засаду у города Килии и погибъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ.

Король Сигизмундъ II умеръ въ 1572 году. Съ его смертью угасъ родъ Ягеллоновъ въ мужскомъ колѣнѣ, и въ Польшѣ возникъ вопросъ объ избраніи короля.

Хотя избирательный законъ и существовалъ въ Польскомъ государствѣ уже съ 1334 года, но до смерти Сигизмунда II практическаго примѣненія не получалъ. Смерть короля, не оставившаго послѣ себя наслѣдниковъ въ мужскомъ поколѣннн, послужила поводомъ къ созыву „Конвокаціоннаго сейма“. Сеймъ этотъ постановилъ ввести „Pakta conventa“, т. е. конституцію, которой будущій король долженъ былъ при-

сягнуть. Благодаря этой конституціи, государственное управление всецѣло перешло въ руки пановъ—шляхты; одни лишь паны имѣли опредѣленные права и рѣшали все государственныя дѣла; даже рѣшеніе войны и мира принадлежало не королю, а сейму, въ которомъ засѣдали исключительно придворные сановники, воеводы, каштеляны, епископы и повѣтовые маршалки.

Первый выборный король Генрихъ Валуа черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣжалъ во Францію. Въ Польшѣ настало междуцарствіе. Въ Малороссіи войска оставались безъ гетмана, такъ какъ послѣ Свирговскаго новый предводитель назначенъ еще не былъ.

Пользуясь этимъ обстоятельствомъ Крымская орда предприняла новое нашествіе на южно-русскія земли. Предупрежденные о появленіи татаръ крикомъ дикихъ птицъ, Запорожцы дали знать кіевскому воеводѣ и маршалку волынскому, князю Острожскому. Воевода, сколько могъ, собралъ казаковъ въ Кіевѣ, Каневѣ, Черкасахъ и, соединясь съ Запорожцами, выступилъ противъ орды. Татарскія полчища стояли уже надъ Днѣпромъ. Подползши къ нимъ сквозь камыши и кустарники, казаки привели орду въ замѣшательство, но это не предотвратило дальнѣйшаго ея выступленія. Увидя, что войско казацкое малочисленно, татары, отбѣснили его, вторглись въ Волинь и, произведя страшное опустошеніе, увели оттуда болѣе 55000 плѣнниковъ, способныхъ къ работѣ, 450000 лошадей, 200000 овецъ и 500000 головъ рогатаго скота.

Междуцарствіе въ Польшѣ продолжалось около трехъ лѣтъ. Только въ 1575 году шляхта выбрала въ мужа Аннѣ, сестрѣ Сигизмунда II, семиградскаго воеводу Стефана Баторія, который и вступилъ на Польскій престолъ. По словамъ малороссійскаго историка, бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго († 1795 г.), при Стефанѣ Баторіи былъ золотой вѣкъ Малороссіи, но просуществовалъ онъ, этотъ „золотой вѣкъ“, очень недолго.

Въ 1576 году малороссійскимъ гетманомъ былъ назначенъ Федоръ Богданъ (или Богданокъ). Король поручилъ ему наказывать татаръ за ихъ набѣгъ на Волинь. Гетманъ собралъ свои полки и двинулся къ Азовскому морю. Войскового есаула Нечая онъ послалъ на низовья Днѣпра поднять противъ крымцевъ Запорожье. 5000 плѣшихъ Запорожцевъ, подъ предводительствомъ Нечая, отправились въ лодкахъ на Черное море и высадились на Крымскомъ полуостровѣ. Они обложили

Козловъ и Кафу и, въ ожиданіи прибытія гетманскихъ войскъ, заперли у этихъ городовъ морскія гавани. Черезъ нѣкоторое время гетманъ съ главными силами появился въ Крымской степи. Разбивъ наголову нѣсколько татарскихъ полчищъ, онъ побѣдоносно шелъ далѣе. При поворотѣ отъ Днѣпровскаго лимана къ Перекопу, между Кинбургскими Кучугурами и Даріевымъ мостомъ его атаковали всѣ татарскія орды, соединившіяся подъ начальствомъ хана Девлетъ-Гирея. Полки гетманскіе шли четырьмя батовами; обозъ и резервъ—въ серединѣ. Стремительное наступленіе татаръ было встрѣчено дружнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Пальба продолжалась болѣе часу. Врѣзавшіеся въ передовыя линіи казаковъ татарскіе панцырные всадники были опрокинуты и переколоты пиками. За ними напирала новыя толпы татаръ, но войска гетманскія стояли твердо и поражали ихъ мѣткимъ огнемъ. Наконецъ, порывомъ вѣтра были разсѣяны густыя тучи дыма, и казаки увидали передъ собою цѣлыя груды татарскихъ труповъ. Разбитые остатки непріятели отступали къ мосту, соединявшему Кинбургскую косу съ Перекопскою степью, но посланная въ обходъ татарамъ легкая казачья конница заняла мостъ и отрѣзала имъ путь отступленія. Затѣмъ гетманъ двинулъ впередъ свой резервъ, подкрѣпленный одною батавою и притиснулъ непріятеля къ заливу. Тѣсные казаками, татары частью бросались въ воду и тонули, частью же были безпощадно перебиты.

Переправившись черезъ Сивашъ на Крымскій полуостровъ, гетманъ взялъ штурмомъ Перекопъ и истребилъ въ немъ весь гарнизонъ. Отъ Перекопа гетманскія войска дошли до Кафы, взяли и этотъ городъ, разграбили его и освободили 500 плѣнниковъ.

Дальнѣйшее наступательное движеніе было направлено гетманомъ на Бахчисарай и Козловъ, но подъ рѣкой Салгирью его встрѣтили съ дорогими подарками ханскіе послы и отъ имени своего повелителя просили заключить миръ. Взявъ еще около 800 плѣнниковъ, въ томъ числѣ 15 мурзь, и освободивъ всѣхъ бывшихъ въ плѣну у татаръ христіанъ, гетманъ вернулся съ огромной добычей въ Малороссію. Морскому же отряду Запорожцевъ онъ поручилъ разгромить тѣ турецкіе города, гдѣ производилась торговля невольниками и освободить изъ Синопа и Трапезунта томившихся въ турецкихъ каторгахъ своихъ земляковъ, что Запорожцы блестяще и выполнили.

Вскорѣ послѣ этой экспедиціи къ королю явились послы придунайскихъ христіанъ и, жалуясь на притѣсенія со стороны турокъ,

просили его защиты. Король опять далъ повелѣніе гетману наказать турокъ. Была снова снаряжена флотилія изъ запорожскихъ чаекъ и послана въ Черное море подъ предводительствомъ все того же неустрашимаго есаула Нечая, самъ же гетманъ со своимъ доблестнымъ войскомъ отправился въ Крымскія степи и, безпрепятственно пройдя ихъ, вступилъ въ землю Донскихъ казаковъ. Донцы встрѣтили его весьма радушно и способствовали его дальнѣйшему походу за Донъ и Кубань. Пройдя затѣмъ, Черкасскія земли, гдѣ ему тоже былъ оказанъ дружественный пріемъ, онъ запасся скотомъ и провизіей и направился къ азіатскому побережью Чернаго моря. Всѣ лежавшія на его пути турецкія поселенія были преданы разгрому; онъ прошелъ всю Анатолію, сжегъ Синопъ и Трапезунтъ и двинулся къ Цареграду. Переправившись черезъ Константинопольскій проливъ на территорію Европейской Турціи, гетманъ вступилъ въ Болгарію, объявивъ жителямъ этой страны, что, какъ своимъ единовѣрцамъ, онъ не причинитъ имъ никакого вреда. Болгары снабдили его продовольственными припасами и проводили до Дуная. Отъ тѣхъ же болгаръ гетманъ узналъ, что опустошавшіе Сербію турки ушли къ Адрианополю.

Переправившись между Варной и Силистріей черезъ Дунай на запорожскихъ чайкахъ, гетманъ вступилъ въ Молдавію, взялъ приступомъ Килію, истребилъ въ ней всѣхъ турокъ и армянъ и, мстя за гибель своего предшественника Свирговскаго, разграбилъ и сжегъ до основанія этотъ городъ, послѣ чего благополучно вернулся на родину.

Король Баторій цѣнилъ доблесть казаковъ, любилъ малороссійскій народъ, и въ его царствованіе между тремя соединенными народами было единство и братское согласіе. По словамъ историка Конисскаго, при Баторіи не было и религіозной розни между католиками и православными. Нерѣдко случалось, что когда отлучался изъ своей епархіи католическій епископъ, мѣсто его занималъ епископъ православный и на оборотъ—въ отсутствіе православнаго епископа, епархіей управлялъ католическій, и паства на это не роптала.

Какъ личныя заслуги храбраго гетмана Ѳедора Богдана, такъ и заслуги всего малороссійскаго народа были награждены королемъ привилегіей, данной слѣдующимъ его универсаломъ:

„Взглядомъ и увагою великихъ праць рыцарства и войскъ Русскихъ, якіи вони показали и завше оказываютъ въ оборони и расширеніи общей отчизны отъ супостативъ и извыклыхъ претендаторовъ

зарубежныхъ и набарзій отъ тыхъ проклятыхъ иноплеменныхъ магометанцивъ и басурманцивъ, плондруючихъ отчизну и завертаючихъ въ неволю людъ христіанскій, яко ся недавно за королевство наше учынылося, але, мылостью Божескою, завоевательствомъ вирнаго гетмана нашего Русскаго Богдана и войсками козацкими знатно одвергнуто и одпложено; уставуемъ и подтверждаемъ вси права, вольности и привилегіи войска того и всего народу Русскаго, антецессорами нашими постановленными и утвержденными и, якъ изъ виковъ бывало, тако да пребудеть на вичныи времена и да не важыть ни хто одминяты и нарушаты правъ и свободъ въ добрахъ вичистыхъ и добытыхъ и во всякихъ маеткахъ; а властни шафовать имы по своій воли и судытысь обь ныхъ имають въ своихъ земскихъ и градскихъ судахъ, въ якихъ и засидаты выбраннымъ отъ рыцарства особамъ и судыты по своимъ правамъ и статутамъ Русскимъ; а хто належытъ до рыцарства войскового, тымъ судытыся въ обозахъ и табурахъ своихъ отъ судій же войсковыхъ, якихъ мы въ каждомъ полку учредыты повиливаемъ. Еднакъ справа до ныхъ належытъ о бремени война и маекту его двыжымаго, донели же хто козакуе и впысанъ въ реестры войсковыи, а за повроченемъ въ повиты и околыци, судытыся вони учнутъ въ судахъ повитовыхъ и градскихъ; яко станъ шляхетный, шляхетство Русское, въ чынахъ, урядахъ и реестровомъ козацтви найдуючоесь, едноть и равенство имуть съ шляхетствомъ Польскимъ и Литевскимъ, якоже зъедноченъе Руси съ Польшею и Лытвоею улажено есть и утверждено, и мы то подтверждаемъ и заховуемъ. Трыбуналу Русскому отпраковать дила свои по прылычности въ новосозданномъ гроди нашомъ Батурыни, а якъ потреба укажеть, то и въ Черкасахъ; тежъ и Гетманови Русскому резыдовать въ тымъ городи, а въ Черкасахъ маты намистныка своего изъ Генералытета войскового, якій мы значне росшырылы и заоздобылы, умножывъ и классы товариства Бунчукового, Войскового и Значкового, якимъ помищатысь подь бунчукомъ и при полковыхъ хоругвахъ; а бунчукъ мы жалуемъ Гетману въ знакъ звытяжства его зъ войскомъ своимъ надъ народомъ Азіатскимъ, отъ кого и клейнодъ сей добуть працею Гетманскою и кровію Козацкою“ *).

Вмѣстѣ съ пожалованіемъ гетману бунчука, король далъ ему, какъ знакъ гетманскаго достоинства, булаву и знамя съ гербомъ бѣлаго орла. Войсковою генералитетъ былъ увеличенъ прибавленіемъ генеральнаго есаула и генеральнаго бунчужнаго. Штатъ полковой старшины

*) Исторія Малороссіи Н. Маркевича, т. I, стр. 61—62.

былъ увеличенъ учрежденіемъ въ каждомъ полку должностей судьи и писаря. По дѣламъ, касающимся военной службы, повелѣно было судиться казакамъ войсковымъ судомъ, по прочимъ же дѣламъ,—подобно шляхтѣ,—разбираться въ судахъ повѣтовыхъ.

Трибуналь Малороссійскій состоялъ изъ семи департаментовъ, а именно: 1) Генеральной канцеляріи, откуда выходили гетманскія резолюціи, универсалы и повелѣнія, и верховнаго судилища, составлявшаго высшую апелляціонную инстанцію; 2) Генеральнаго суда гродскаго; 3) Генеральнаго суда земскаго; 4) Коммиссаріата, ревизовавшаго подкоморскія дѣла, управлявшаго и надзиравшаго за общественными зданіями, дорогами и переправами; 5) Скарбовой канцеляріи, вѣдавшей доходами и расходами страны; 6) Военнаго регимента, управлявшаго войсковыми дѣлами, и 7) Ревизіоннаго Комитета, ревизовавшаго всю скарбовую, т. е. по сборамъ и доходамъ отчетность и счета войсковые.

Для награжденія за военныя отличія тѣхъ товарищей, которые не занимали въ полкахъ и сотняхъ штатныхъ должностей, было введено, по повелѣнію короля, особое чинопроизводство въ слѣдующей постепенности.

Первая степень—Значковый товарищъ. Ему полагалось находиться въ полку при полковомъ знамени. Вторая степень—Войсковой товарищъ. Онъ состоялъ въ свитѣ гетмана и въ военное время находился при клейнодахъ. Чинъ его равнялся сотнику; и третья степень—Бунчужный товарищъ. Въ мирное время онъ назначался въ разныя коммисіи, въ качествѣ депутата отъ своего полка, а въ военное время состоялъ при гетманѣ „подъ бунчукомъ и знаменами“. Чинъ его равнялся Полковому Обозному.

Производство во всѣ эти чины принадлежало власти гетмана и объявлялось въ его универсалахъ. Онъ же награждалъ производимыхъ деревнями, хуторами и другими ранговыми имѣніями. Жалованья же имъ никакого не полагалось.

Прежняя численность полковъ была увеличена съ 20 на 40. Территоріальный раіонъ cadaго полка составлялъ отдѣльную область со своимъ собственнымъ административнымъ управленіемъ и самостоятельнымъ судомъ, подраздѣлявшимся на военный и гражданскій. Главнымъ начальникомъ того и другого суда и представителемъ административной власти всего раіона полка былъ полковникъ. Со-

вмѣщая въ себѣ военную и административную власть, онъ по теперешнему могъ бы быть названъ военнымъ губернаторомъ, если бы должность его не была выборною.

Казацье сословіе было сословіемъ привилегированнымъ. Оно не несло никакихъ земскихъ повинностей и было обязано только военною службой. Выборъ полковника и какъ начальника войсковой части, и какъ главы административнаго управленія той области, которая входила въ территорію полка, принадлежалъ исключительно казакамъ. Неслужилое крестьянское сословіе носило названіе посполства. На немъ и лежали всѣ государственныя и земскія повинности, кромѣ одной лишь военной службы.

Вскорѣ послѣ войны поляковъ съ русскими 1579 года, въ которой участвовали и казаки, Гетманъ Федоръ Богданъ умеръ. На его мѣсто былъ избранъ родственникъ волошскихъ господарей Павелъ Подкова, прозванный такъ за свою необычайную силу. (Онъ былъ громаднаго роста и свободно ломалъ руками конскія подковы).

Гетманство его продолжалось всего лишь около 3-хъ лѣтъ и было ознаменовано походомъ на Валахію. Когда дядя его, валахскій господарь Петръ Хромой, будучи низложенъ своими подданными, бѣжалъ въ Малороссію подъ его защиту, онъ, снарядивъ семь полковъ реестровыхъ и два охочекомонныхъ, вступилъ въ Валахію, разбилъ въ двухъ сраженіяхъ валахскія дружины и осадилъ Бухарешть, но изъ города вышла депутація изъ представителей духовенства и народа и просила гетмана прекратить войну и принять господарское достоинство. Подъ убѣжденіемъ дяди своего и рады казацкой, Подкова согласился на предложеніе депутаціи и торжественно вступилъ въ Бухарешть. Когда были совершены всѣ обряды, закончившіеся богатыми пиршествами, онъ оставилъ при себѣ человѣкъ двадцать казаковъ, въ качествѣ свиты, а остальныхъ отправилъ обратно въ Малороссію, но какъ только полки казацкіе вышли изъ города, было получено извѣстіе о смерти гетмана. Возвратившіеся съ тѣломъ его казаки рассказывали, что онъ былъ предательски убитъ: одинъ вельможа пригласилъ его въ свой загородный домъ, въ качествѣ воспріемника при крещеніи младенца. Здѣсь напали на него собравшіеся валахи, повалили на порогъ и отрубили ему голову. Бывшіе въ его свитѣ казацкіе старшины были тоже умерщвлены. Спасшіеся отъ такой же участи рядовые казаки унесли съ собою тѣло своего гетмана и доставили въ неуспѣвшее еще отойти далеко войско.

Останки обезглавленнаго гетмана, погибшаго жертвой коварной хитрости валаховъ, были привезены казаками въ Малороссію и погребены въ Каневскомъ монастырѣ.

Послѣ Подковы гетманскую булаву получилъ преданный ему войсковою есауль Шахъ.

Чтобы найти способъ отомстить валахамъ за смерть своего предшественника, котораго обожало все казачество, Шахъ донесъ королю, что турки, покровительствуя Молдавіи и Валахіи, надвигаются къ границамъ Малороссіи и Польши. Король прислалъ повелѣніе оберегать границы и усилить пограничные разъѣзды.

Заручившись этимъ повелѣніемъ, Шахъ усилилъ свои войска и приблизился къ южной границѣ. Здѣсь ему удалось поймать нѣсколько турокъ, которыхъ онъ отослалъ къ королю въ доказательство того, что непріязненные дѣйствія со стороны турецкихъ войскъ уже начались. Вслѣдъ затѣмъ онъ съ большими силами неожиданно появился въ Валахіи, подступилъ къ Букарешту, разгромилъ и выжегъ его предмѣстья, и осадивъ замокъ, потребовалъ выдачи виновниковъ смерти гетмана и господаря Подковы, грозя въ противномъ случаѣ обратить городъ въ груды развалинъ.

Главный бояринъ и 17 чиновниковъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ противъ Подковы, были выданы. Казаки обрѣзали имъ уши и повѣсили передъ Никольскою церковью, прибивъ у входа въ церковь доску съ надписью: „Тако караются вѣроломци и зрадци, проливающіи кровь христьянську и неповынну“.

Султанъ потребовалъ возмездія казакамъ за это нападеніе на Валахію и велѣлъ арестовать всѣхъ находившихся въ обоихъ княжествахъ и въ Турціи польскихъ и малороссійскихъ купцовъ.

Король особымъ универсаломъ предалъ гетмана суду Войскового Малороссійскаго Трибунала. Судъ изъ генеральныхъ старшинъ и представителей отъ войскъ приговорилъ Шаха къ отрѣшенію отъ гетманства и заточенію въ монастырь. Осужденный, по своей доброй волѣ, постригся въ монахи въ томъ же монастырѣ, гдѣ покоился прахъ его друга, Павла Подковы, и остался тамъ до самой смерти.

Послѣ Шаха гетманомъ малороссійскимъ былъ избранъ Демьянъ Скалозубъ. При немъ крымскіе татары опять напали на приграничную

Малороссію и увели въ неволю нѣсколько сотъ плѣнниковъ. Получивъ извѣстіе объ этомъ, гетманъ съ сильнымъ отрядомъ конницы двинулся въ обходъ татарамъ, съ цѣлью захватить ихъ, но тѣ успѣли уйти за Перекопъ и на огромномъ пространствѣ выжгли за собою степь. На донесеніе свое объ этомъ набѣгъ татаръ, онъ получилъ изъ Варшавы повелѣніе освободить плѣнниковъ хитростью, не прибѣгая къ открытой войнѣ съ ордою.

Но закаленные въ битвахъ, пренебрегавшіе опасностью, неудержимымъ вихремъ не разъ проходившіе насквозь и потрясавшіе изъ конца въ конецъ все турецкое царство, казаки,—эти рыцари, удивлявшіе своей безпримѣрной храбростью весь міръ,—не знали иной хитрости, кромѣ военной.

Пославъ приказаніе кошевому Запорожскаго войска Нечаю снарядить лодки и приготовить Запорожцевъ въ эспедиціи морскимъ путемъ, гетманъ вскорѣ и самъ прибылъ съ конницею въ Сѣчь. Здѣсь часть казаковъ спѣшилась и вмѣстѣ съ низовцами сѣла на байдаки. Пройдя днѣпровскія гирла, флотилія казацкая вышла въ открытое море и поплыла двумя отрядами, изъ которыхъ одинъ, подъ командою малороссійскаго полковника Карпа Перебийноса, долженъ былъ направиться въ Перекопскій заливъ, а другой, подъ командою писаря Запорожскаго войска Ивана Богуславца,—къ Крымскому полуострову. Задача послѣдняго была запереть гавани татарскихъ приморскихъ городовъ и перехватить въ морѣ отдѣльныя турецкія суда, увозившія плѣнныхъ христіанъ въ неволю.

Конный отрядъ реестровыхъ и охочекомонныхъ казаковъ, подъ командою самого гетмана, отправился къ Перекопу берегомъ моря. Дойдя до линіи перекопскихъ укрѣпленій, гетманъ передалъ командование надъ своими сухопутными войсками генеральному обозному Якову Сурмылѣ, приказавъ ему приступить къ ложной осадѣ этихъ укрѣпленій, чѣмъ заставить татаръ перевести плѣнниковъ въ приморскіе города; самъ же перебрался ночью на запорожскія лодки, отплылъ въ море и соединился съ флотиліей. Направивъ, затѣмъ, ее по разнымъ гаванямъ, онъ съ небольшимъ отрядомъ поплылъ въ Керченскій заливъ, гдѣ, по его расчетамъ, должна была происходить перевозка татарами на полуостровъ самага значительнаго числа плѣнниковъ. Но какъ только неустрашимый вождь казаковъ вошелъ въ заливъ, турецкія суда, выйдя изъ Чернаго и Азовскаго морей, окружили его и послѣ долгаго и упорнаго сраженія взяли въ плѣнъ вмѣстѣ

съ остаткомъ разбитаго отряда. Гетманъ былъ отправленъ въ Константинополь, заключенъ въ подземелье и заморенъ голодомъ. Такая же неудача постигла и отрядъ запорожскаго писаря Ивана Богуславца. Богуславецъ и немногіе оставшіеся въ живыхъ товарищи его были схвачены турками у Козлова и обречены на тяжкія работы, но, спустя нѣкоторое время, приплывшіе къ Козлову въ своихъ легкихъ чайкахъ запорожцы, съ помощью жены турецкаго паши, Семиры, выручили плѣнниковъ. Съ ними бѣжала и Семира. По прибытіи на родину Богуславецъ женился на своей избавительницѣ.

Генеральный обозный Сурмыло, узнавъ объ участи гетмана, рѣшилъ вернуться со своимъ отрядомъ въ Малороссію, чѣмъ и окончилась эта неудачная экспедиція.

Н. П. Шадурскій.

